

«TABLE-TALK» ПУШКИНА

1835—1836 годами датируются в академическом издании заметки Пушкина, объединенные общим названием «Table-talk» (Застольные беседы).¹ В подборке «Table-talk» содержится несколько типов записей: анекдоты исторические, анекдоты современные, портреты современников, записи автобиографического характера и заметки, близкие по жанру тем, которые сам Пушкин, печатая их в «Северных цветах» на 1828 год, определил как «Отрывки из писем, мысли и замечания».

Принято считать, что название «Table-talk» подсказано незадолго до того выпедшей книгой английского поэта Колриджа, которую Пушкин купил 17 июля 1835 года.²

Собственно Колриджа нельзя назвать автором этой книги. Она представляет собой запись бесед с английским поэтом разных лиц, аккуратно ведущуюся неким Н. Н. С. Составитель — в числе постоянных собеседников Колриджа. В предисловии он пишет: «Я знаю лучше, чем кто-либо другой, насколько эти отрывки дают неравноценное представление об исключительном очаровании и индивидуальности речи мистера Колриджа. Но может ли быть иначе? Кто смог бы постоянно следовать за этими поворотами его пронзительных, подобных полетам стрел мыслей? Кто смог бы фиксировать эти вспышки света, этот тон пророка, которые иногда заставляли меня склоняться перед ним, как перед человеком вдохновенным свыше... И все же я питаю слабую надежду, что эти страницы докажут, что не все потеряно, что кое-что от мудрости, учености и красноречия бесед в обществе великого человека вырвано из забвения и обрело постоянную форму для общего употребления».³

Задача книги — показать облик Колриджа, обаятельного и содержательного собеседника, похожего на философов афинского Ликеея («He was to them as an old master of the Academy of Lizeum», — пишет автор предисловия), с его обширными интересами и особенностями речи.

Вопросов собеседников в книге нет — есть только рассуждения мастера на разнообразные предложенные темы. Обязательно указана дата беседы. Каждая тема обозначена в заголовке, в пределах темы может быть помещено несколько отрывков, отделенных друг от друга чертой.

В библиотеке Пушкина находим еще одну книгу с тем же названием «Table-talk», изданную гораздо раньше Колриджа: Hazlitt Wiliam. Table-talk: or original essays. Paris. 1825. Книга Хэзлитта задумана иначе, чем книга Колриджа и застольные беседы Пушкина. Это сборник статей по вопросам искусства и морали, достаточно серьезных по содержанию и значительных по размерам.

¹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.], 1949, т. XII, с. 451.

² См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, № 760: Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge. In two volumes. London, John Murray. MDCCCXXXV. На внутренней стороне обложки рукою Пушкина, карандашом написано: «купл. 17 июля 1835 года, день Демид, праздника в годовщину его смерти». Под «годовщиной его смерти» Пушкин подразумевал смерть Колриджа, умершего 25 (13 по старому стилю) июля 1834 года (см.: Яковлев Н. В. Пушкин и Колридж. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 139).

³ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, № 760: Specimens of the Table Talk. . . , p. VIII—IX.

Гораздо ближе к пушкинскому замыслу другая книга Хэзлитта: *The spirit of the Age, or contemporary Portraits*. Paris. 1825. Здесь находим собрание литературных портретов писателей — современников Хэзлитта: Байрона, Вальтера Скотта, Колриджа, Кэмпбелла, Крабба, Ирвинга, Макинтоша, Вордсворта и других.

Литературные портреты (Дурова, Будри, Державина) имеются и в «Table-talk» Пушкина, однако здесь они даны не отвлеченно, как у Хэзлитта, а как эпизоды жизни поэта, когда ему приходилось сталкиваться с людьми знаменитыми и интересными.

Пушкин заимствует у Колриджа только жанровую форму «застольных бесед» на разные темы, но не их содержание. У Колриджа это могут быть высказывания о писателях и их произведениях, о музыке и художниках, размышления о жизни, размышления на темы морали, религии, философии, внутренней политики Англии и т. д. Но все это пропущено через призму собственного «я», изложено в форме бесед или споров со знакомыми, иллюстрируется примерами из жизни самого Колриджа. Иначе говоря, это эпизоды из его жизни и его политическая, моральная, этическая позиция, поданная в виде отдельных, не связанных друг с другом отрывков.

Пушкин сужает рамки своих «бесед», отдавая предпочтение историческому и бытовому анекдоту, изложенному в свойственной самому Пушкину прозаической манере. Здесь «Table-talk» смыкается с его последним дневником.

В дневниковой записи 18 декабря 1834 года читаем: «Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта».

Что имел в виду Пушкин? Вальтер Скотт внес в свои романы понимание исторической эпохи как необходимого этапа в развитии народа. На основе исторического материала он стремился воскресить прошлое во всем своеобразии нравов и представлений, непохожих на современные и обусловленных временем и средой, т. е., как писал Пушкин, представить историю «домашним образом» (XII, 195).

В 1830-е годы стремление проникнуть в обыденную жизнь прошлых веков и через нее показать исторические факты вызвало особое внимание к таким документальным жанрам, как дневники, мемуары, исторические анекдоты, т. е. к жанрам, которые передавали непосредственные наблюдения современников над образом жизни, привычками и поведением окружающих лиц, помогали воссоздать быт, нравы, характеры эпохи. Нравы, воспринимаются как составная часть исторического процесса, а бытовые документальные материалы мыслятся как важнейший источник познания прошлого.⁴

Собрание характерных бытовых картин дало бы возможность будущему Вальтеру Скотту показать историческое прошлое «домашним образом». Дневник Пушкина изобилует острыми моментами российской истории и современности. Он заполнен примечательными и социально острыми чертами нравов, живописными эпизодами истории, краткими рассказами о забавных происшествиях, остроумными репликами, каламбурами.

Исторические анекдоты и анекдоты из современной жизни, которыми пестрят страницы дневника, в прямом смысле «застольные беседы» Пушкина. С интересом ловит он и заносит в дневник свидетельства о лицах и нравах минувшей эпохи:

«4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере с Петром III во время революции.

⁴ Об отношении к бытовым материалам в пушкинскую пору см.: Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923, с. 37—75; см. также: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968, с. 72.

Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову» (далее следует анекдот о Дашковой, которая прошла в Эрмитаж через алтарь, не зная, что женщинам входить в алтарь нельзя) (4 декабря 1833), «Встретил новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.» (1 января 1834); «Вигель рассказал мне любопытный анекдот» (7 января 1834); «Вчера был у Смирновой, царские» «калошницы» — анекдоты» (8 марта 1834); «Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов» (21 мая 1834). Из этих «нескольких анекдотов» Пушкин записал только один. «Вчера вечер у Катерины Андреевны «Карамзиной». . . Говорили много о Павле I-м, — романтическом нашем императоре» (2 июня 1834); «Вчера (17) вечер у S. «Смирновой». Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc.» (18 декабря 1834).

Некоторые из анекдотов и разговоров раскрыты на страницах дневника (рассказ Н. К. Загряжской о Дашковой, один из «анекдотов», услышанных от Полетики у Смирновых), но большинство только обозначено в дневнике. Можно предположить, что Пушкин собирался в свободное время дополнить эти скудные записи. В этом убеждает внешний вид дневника. Кажется страница его как бы разделена вдоль на две части, и записи делались только на одной половине страницы — вторая оставалась чистой, скорее всего, для дополнений. Некоторые конспективные записи дневника Пушкин, очевидно, полагал изложить более подробно на незаполненных половинках листов. Он успевает записать обстоятельства, при которых слышал тот или иной анекдот (когда и где), оставляя место для изложения самих анекдотов.

Намерение это не осуществилось, записи в дневнике прекратились в феврале 1835 года. Последняя запись (в 1835 году их всего две) начинается словами: «С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шипш потомству» (февраль, — XII, 336).

Отложив дневник, Пушкин и начинает формировать свои «застольные беседы». Приемком автора-составителя книги о Колридже: раскрыть человеческую личность через беседы с нею — Пушкин пользуется только в одном случае — когда передает рассказы Н. К. Загряжской.

Н. К. Загряжская была примечательной фигурой петербургского света. Свидетельница шести царствований (она родилась в 1747 году), кавалерственная дама уже при Павле, она, по словам Вяземского, «сохранила живой отпечаток своей старины» и была представительницей времен давно ушедших. В рассказах ее проступают присущие ей одной черты характера, особенности поведения, обороты речи. П. А. Вяземский и В. И. Сафонович свидетельствуют, что «Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую»,⁵ поэтому «записал некоторые из ее анекдотов и языком, каким она рассказывала».⁶ Русское просторечие в рассказах Загряжской пересыпано изысканными французскими фразами, трагические вехи русской истории переданы забавными бытовыми эпизодами. Вот, например, пушкинская запись рассказа о встрече Загряжской в Дрездене с А. Г. Орловым (участником переворота 1762 года, который после воцарения Павла I уехал за границу): «Orloff était régicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude.⁷ Я встре-

⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. VIII, с. 185.

⁶ Воспоминания В. И. Сафоновича. — Русский архив, 1903, кн. 1, с. 495.

⁷ Орлов был плохо воспитан и отличался дурным тоном (франц.).

тилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. „Что за урод? Как это его терпят?“ — „Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?“ — „А почему же нет, матушка?“ — „Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?“ — „Не только согласился бы, а был бы очень тому рад“. Вот каков был человек!» (XII, 177). Можно представить, как потешался поэт, слушая, что убийство одного императора и готовность задушить другого именуется «дурным тоном» и «плохим воспитанием».

Жанровый принцип «отрывков», заимствованный у Монтеня, перенятый Хазлиттом и Колриджем и уже дважды испробованный самим Пушкиным (первый раз в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», второй — в «Опровержениях на критики»),⁸ оставался притягательным для поэта. Если в «Отрывках из писем...» преобладали «мысли» (сохраненный отрывок о Карамзине из уничтоженных «Записок» Пушкина был исключением — это подчеркивалось и специальной пометой «Извлечено из неизданных записок»), в «Опровержениях на критики» — большинство заметок было автокомментарием к собственным сочинениям, то в «Table-talk» на первое место выходит исторический анекдот и записи автобиографические (портреты современников, примечательные черты их характеров, острые слова).

Жанр «Застольных бесед» не обязывал проверять, дополнять, высказывать свои соображения. В канву исторических анекдотов влетают эпизоды собственной жизни поэта, пережитое, увиденное и сформулированное им самим.

«Застольные беседы» Пушкина были сложены им в специальную папку. Почти каждый отрывок записан на отдельном листе, в конце их часто стоит разделительная черта (так и предполагал печатать их Пушкин). В нескольких случаях указывается источник («Слышал от гр. Вельгорского», «Слышал от кн. А. Н. Г. <олицына>», «Слышал от Н. К. Загряжской», «Слышал от Дмитриева», «Слышал от кн.: К. Ф. Долгоруковой»). Девяти анекдотам предшествует запись «Разговоры Н. К. Загряжской», 7 раз указываются даты: «6 октября 1834 г.» (при анекдоте «Когда Пугачев сидел на Менювом дворе...»), «8 октября 1835» (при рассказе о Дурове), «Июнь, 1836» и еще раз «1836, июнь» (две последние даты при рассказах о пребывании «французских принцев», сыновей Людовика-Филиппа в Берлине 11—25 мая 1836 года), 12 августа 1835 и 12 августа — 2 раза (при «Разговорах Н. К. Загряжской»). Записи сделаны по свежим следам рассказов или газетных сообщений.

Бумага, на которой записаны «беседы», разная. По определению Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, это №№ 123 (1 запись), 128 (7 записей), 155 (5 записей и 9 анекдотов, услышанных от Загряжской), 130 (1 запись), 197 (1 запись), 246 (3 записи), 247 (10 записей), 250 (20 записей).⁹ Пушкинские автографы на идентичной бумаге относятся большей частью к 1834—1837 годам. Исключение составляют анекдот о Ганнибале («Однажды маленький арап»), записанный на бумаге № 123, которой Пушкин пользовался только в 1831 году, и отрывок о «сатирике Милонове» на бумаге № 197, которая была в работе у Пушкина в 1827—1828 годах. Вполне вероятно, что первый отрывок был записан также в 1831 году, когда Пушкин начал заниматься Историей Петра I, а запись о «сатирике Милонове» относится к той поре, когда он готовил свои «Отрывки из писем, мысли и замечания» для «Север-

⁸ См. нашу статью «Незавершенный замысел Пушкина» (Русская литература, 1981, № 1, с. 123—135).

⁹ Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. М.; Л., 1937.

ных цветов» на 1828 год. В «Отрывках» Пушкин касается литературного быта предшествующей эпохи, рассказывая, как «Тредиаковскому не раз случалось быть битым». Рассказ о Тредиаковском продолжал начатую с А. Бестужевым в 1825 году, когда Пушкин в Михайловском работал над «Записками», полемику об «ободрении» писателей.¹⁰

Отрывок о Милонове больше тяготеет к жанру анекдота (если считать анекдотом остроумный рассказ с неожиданной концовкой). «Сатирик Милонов, — записывает Пушкин, — пришел однажды к Гнедичу пьяный по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: „Там, там найду я награду за все мои страдания. . .“ — „Братец, возрази ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустяк ли тебя туда?“» (XII, 159). Анекдот снижал затронутую Пушкиным тему о «неободренных» писателях, и, по-видимому, это послужило причиной, почему Пушкин не стал помещать его рядом с рассказом о Тредиаковском.

Все тексты в «Table-talk» беловые, с небольшой правкой. Три заметки переписаны из так называемой арзрумской тетради Пушкина (ПД, № 841): «Гете имел большое влияние на Байрона. . .», «Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин. . .» и «Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное. . .».

Заметка о дамах — короткий пересказ пространной заметки, которая в арзрумской тетради имеет заголовок «О дамах» и готовилась для «Литературной газеты». Пушкин защищал «Графа Нулина» и «Юрия Милославского» Загоскина от ханжеских выпадов «Вестника Европы» и «Северной пчелы». Критики находили у Пушкина и Загоскина ситуации и выражения, которые могут оскорбить женское достоинство. В заметке, как она была написана первоначально, имелся следующий пассаж: «Это (т. е. ханжеские восклицания критиков) особенно странно в России, которая гордится женщинами, которые царствовали со славою» (Справочн. том, 65).

В «Table-talk» этот пассаж опущен — из всех русских цариц Пушкин упоминает только Екатерину II. Для того чтобы внушить современникам уважение к «прекрасному полу», у Пушкина были уже другие аргументы: созданные им художественные образы женщин думающих, самоотверженных, активных, смелых — Татьяна Ларина, Полина (в «Рославлеве»), Маша Миронова. Обобщением раздумий Пушкина над возможностями женского характера и явилась его заметка среди других «застольных бесед».

Две другие заметки (о влиянии Гете на Байрона и о журнальной критике), так же как и заметка о дамах, нарушают жанровую однородность «Застольных бесед», где доминирует анекдот. В 1828 году были опубликованы «Отрывки из писем, мысли и замечания». Заметки в арзрумской тетради писались в следующем, 1829 году — возможно, Пушкин загодя думал о новой подборке «мыслей» для альманаха. В своем «поэтическом хозяйстве» Пушкин был экономен, и, составляя «Table-talk», он вспомнил о еще неиспользованных заметках.

Один анекдот (о Денисе Давыдове и Багратионе) взят Пушкиным (с уточнениями) из лицейского дневника. Были ли черновики или какие-либо заготовки, предшествующие другим текстам? Скорее всего — нет. Жанр устного рассказа, застойной беседы отработан в дневнике Пушкина. Так же как дневник, без черновых заготовок, ложились на бумагу и отдельные заметки «Застольных бесед».

¹⁰ См. нашу статью «А. С. Пушкин в работе над „Записками“» (Русская литература, 1982, № 2, с. 146—148).

В 1834 году, приступая к новому замыслу «Записок», Пушкин писал: «Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении» (XII, 310). Замысел связанных записок не пошел дальше родословной и был отложен поэтом. Подборка «Table-talk» позволяет предположить, что Пушкин предпочел ему свободную композицию мемуарного повествования, собирая в папке «Table-talk» автономные биографические фрагменты.

В этом смысле особенно примечательны большие массивы «анекдотов» на бумаге №№ 247 и 250. Все записи на бумаге № 247 относятся к самому Пушкину и лицам, «достойным замечания», которых поэт, как и обещал в «Начале автобиографии», хотел собрать около себя — Державину, Денису Давыдову, Дельвигу, Булгарину, Надеждину, Будри, Дурову. Из задуманных записок Пушкин выбирает сюжеты, которые можно объединить в цикл «застольных бесед». В маленьких отрывках проявляются черты характера современников Пушкина — остроумие Дельвига, трусость Булгарина, плебейские поступки Надеждина.

Вот, например, записи о Дельвите и Надеждине (XII, 159).

«Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат“, отвечал Рылеев. — „Так что же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что дома у тебя есть кухня?“»

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: „Чем ближе к небу, тем холоднее“.

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: „Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил“.

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски».

В 1831 году, после смерти Дельвига, Пушкин задумал написать его биографию. Биография не была написана, но личность Дельвига, его характер, остроумие — все это естественно ложилось в пушкинские мемуарные отрывки.

Все отрывки на бумаге № 247 написаны одинаковым почерком, в близкое время (скорее всего в один день). Исключение — запись о Державине. Здесь почерк более мелкий и другой цвет чернил. В начале заголовков: «Державин».

Другая большая группа отрывков — на бумаге № 250. Большинство их также написано в один или близкие дни (почерк один и тот же, но некоторые отрывки написаны более темными чернилами. Написав их, Пушкин очевидно долил в чернила воды). Исключения составляют заметка, переписанная из тетради № 841, — «Гете имел большое влияние на Байрона» и портрет лицейского преподавателя Будри. Они явно отличаются по почерку от всех остальных «мыслей» и анекдотов, т. е. написаны в другое время, но подкладывает их Пушкин в папку «Table-talk» не рядом. «Гете имел» ложится рядом с другими критическими заметками из арзрумской тетради («Одна дама сказывала мне» и «Многие негодуют на журнальную критику»), а портретная зарисовка Будри подкладывается к другим автобиографическим наброскам, написанным на той же бумаге № 250, — о генерале Н. Н. Раевском старшем («Генерал

Раевский был насмешлив и желчен») и Дурове. Набросок о Дурове, как и «Державин», выделен заголовком «О Дурове».

Мы видим, что в своей подборке Пушкин группирует записи по жанровому принципу — «мысли» (вместе с литературными суждениями); автобиографические заметки, исторические анекдоты.

В сочинениях Пушкина одна заметка из «Table-talk» — «Державин» печатается в разделе «Воспоминания». О том, что рассказ о Державине имелся в сожженных записках Пушкина, известно из его письма к брату от 27 марта 1825 года (XIII, 159). К стихотворению «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин собирался поместить «выписку» о Державине из своих записок, когда готовил к печати первый сборник своих стихотворений. Намерение это не осуществилось. Отрывок о Державине Пушкин сжег, как и весь текст «Записок». Однако в сочинениях Пушкина «Державин» комментируется как «выписка из „Записок“, которые вел Пушкин и которые уничтожил после событий 14 декабря 1825 года».¹¹ Обосновал эту особую, из всех заметок «Table-talk», эдичионную судьбу заметки «Державин» И. Л. Фейнберг. Он считал, что Пушкин «восстановил этот важный эпизод в соответствии с составленной им программой возобновления своих сожженных записок».¹² Достаточно ли убедительно это утверждение?

Часть «программы» «Записок» Пушкина, в которую входит рассказ о Державине, выглядит так: «Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть» (XII, 429). Эпизод в «Table-talk» соответствует только первому пункту записи — «Экзамен»; в нем рассказано о том, как на экзамене, в присутствии Державина, Пушкин читал свое стихотворение. Мы видим, что в рассказ об экзамене включался еще один персонаж — профессор русской и латинской словесности Лицея А. И. Галич. Именно в связи с лицейским экзаменом вспоминает Пушкин Галича в дневниковой записи от 17 марта 1834 года. Накануне он был на совещании предполагаемых участников энциклопедического словаря Плюшара. «Тут я встретил, — записывает Пушкин, — доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои „Воспоминания в Царском Селе“».

Судя по «программе» записок, упоминание о Державине не ограничивалось рамками экзамена. В записках Пушкин собирался писать о творчестве («стихотворстве») Державина как эпохе в русской поэзии, а смерть поэта, в свое время потрясшая лицейстов (меньше чем через два года после экзамена), уравнивалась в программе с событиями исторического значения.

Судьба записи о Державине, как мы видели, определена дошедшим до нас письмом к Л. С. Пушкину. Если бы его не было, этот отрывок автобиографической прозы Пушкина печатался бы в подборке «Table-talk» так же, как печатаются теперь там заметки о других лицах, с которыми судьба сталкивала Пушкина. В 1834 году Пушкин не «восстанавливал» сожженные записки, а собирался писать новые, построенные на принципиально иной основе, используя свой опыт историка. Поэтому рассказ о Державине не «соответствует» программе записок, а расходится с ним. «... Буду осмотрительнее в своих показаниях и если записки будут менее живы, то более достоверны», — писал Пушкин в «Начале автобиографии».

Как понимать «менее живы, но более достоверны»? От сожженных записок не дошло ничего (кроме отрывка о Карамзине и «Вышел из лицея...»), с чем можно было бы сравнивать новые, писавшиеся уже

¹¹ Комментарий Б. В. Томашевского. — В кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1978, т. 8, с. 369.

¹² *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976, с. 214.

в 30-х годах, отрывки. Тут уместно вспомнить совет, который когда-то Пушкин давал Матюшкину, отправлявшемуся в кругосветное путешествие. Он «предостерегал» его от «излишнего разбора впечатлений» в записках, «советуя только не забывать всех подробностей жизни». ¹³ «Подробности жизни», реальные факты, события должны были выходить на первый план в новых записках Пушкина.

Отрывок о Державине мог быть заготовкой для рассказа о лицейском экзамене, когда талант Пушкина был признан патриархом отечественной поэзии. Но «программа» записок убеждает нас в том, что рассказ о Державине выходил за рамки частного эпизода в жизни поэта.

И. Л. Фейнберг отнес к наброскам для записок портрет лицейского преподавателя Будри и более позднего знакомого Пушкина — Дурова, брата знаменитой «девицы-кавалериста» Н. А. Дуровой.

Равным образом заготовками для будущих записок можно назвать и приведенные выше заметки об издателе «Телескопа» Надеждине и о Дельвиге. Фейнберг, говоря о «Записках», пытался установить их будущий корпус, т. е. полагал, что все они должны быть интегрированы целостной структурой пушкинского труда. «Table-talk» свидетельствует о другом замысле. В 1835—1836 годах, когда складывалась эта подборка, Пушкин отказался от традиционных мемуаров. В пушкинскую пору получила распространение отрывочная, бесфабульная, построенная по типу собранных анекдотов и эпизодов, форма записок. «Старой записной книжкой» назвал свои воспоминания П. А. Вяземский, несколько позднее М. А. Дмитриев издал «Мелочи из запаса моей памяти». Возможно, о такой структуре мемуаров думал и Пушкин.

В «Table-talk» лежат две группы автобиографических материалов (на бумаге №№ 247 и 250). Мы видели, что Пушкин начал группировать эти заметки, и можно думать, что при доработке подборки все его заметки о друзьях, знакомых и наставниках легли бы в одно место.

Автографы «Застольных бесед» свидетельствуют, что они явно готовились для печати. В некоторых отрывках видим незначительную правку рыжими чернилами и одинаковым почерком, резко отличным от почерка самих записей. Скорее всего, Пушкин готовил свою подборку для одного из ближайших номеров «Современника» и перед публикацией пересмотрел ее еще раз и прошелся по ней редакторским пером.

Жандармский досмотр зафиксировал листы «Table-talk» так, как они были подобраны Пушкиным. Этот порядок расходится с принятым порядком публикации заметок в академическом издании и в десятитомниках. Современные издания выстраивают заметки Пушкина, следуя хронологии событий, в них изложенных. Правильно ли это? Мне кажется, что этому противоречит самый жанр «застольных бесед». «Застольные беседы» — жанр открытый, не связывающий автора стилистическими или сюжетными рамками: исторический анекдот, суждения о критике и грамматике, писателях и их творчестве могли здесь свободно сосуществовать. Для «застольных бесед» вполне подходили и записи из дневника (одну такую запись из лицейского дневника о Денисе Давыдове мы здесь встречаем), и впечатления, записанные после бесед с друзьями или по памяти. Среди этих отрывков можно было свободно помещать как выразительные эпизоды своей биографии, так и характеристики лиц, которых поэт хотел собрать около себя. Переданная через частные эпизоды история его жизни и жизни близких ему лиц, как и приметы эпохи, входила бы в сознание потомства «домашним образом». В подборку «Table-talk», нам кажется, следует вернуть и заметку «Державин». Место для ее публикации определил сам Пушкин.

Возможно, что готовившаяся для «Современника» подборка была бы только первой из серии «Застольных бесед», которые время от времени могли появляться на страницах пушкинского журнала.

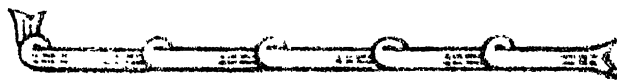
¹³ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1985, с. 165.

ISSN 0131—6095

Русская литература

11

1987



· НАУКА ·
Ленинградское отделение